

БИБЛИОГРАФІЯ.

Областные учреждения Россіи въ XVII вѣнѣ. Сочиненіе В. Чи-
черина. Москва. 1856.

Г. Чичеринъ начинаеть свою ученую дѣятельность блистательнымъ обра-
зомъ. Первый напечатанный имъ трудъ—о развитіи сельской общины—воз-
будилъ общій интересъ: всѣ заговорили о г. Чичеринѣ; многіе не соглаша-
лись съ его выводами, но всѣ соглашались въ томъ, что авторъ статьи дол-
женъ быть человѣкъ замѣчательнаго таланта. Споры его съ «Русскою Бесѣ-
дою» о народномъ возрѣніи въ наукѣ и изслѣдованіи о несвободныхъ состоя-
ніяхъ соотвѣтствовали своими достоинствами тѣмъ ожиданіямъ, какія внушены
были первою статьею. Обширный трактатъ, о которомъ теперь должны мы го-
ворить, самые строгіе цѣнители признають капитальнымъ трудомъ. Въ нѣ-
сколько мѣсяцевъ г. Чичеринъ составилъ себѣ извѣстность, какую обыкно-
венно развѣ въ нѣсколько лѣтъ пріобрѣтають люди даже очень даровитые; съ
перваго раза онъ сталъ въ первомъ ряду между людьми, занимающимися раз-
работкою русской исторіи. Успѣхъ рѣдкій и, что еще лучше, успѣхъ совер-
шенно заслуженный.

Мы ничего не имѣемъ возразить противъ общаго мнѣнія и публики и
спеціальныхъ ученыхъ въ пользу г. Чичерина: оно справедливо. Скажемъ
болѣе: какъ ни высоко уважается теперь талантъ г. Чичерина, но ему, какъ
намъ кажется, предстоитъ въ будущемъ пользоваться еще болѣе громкою из-
вѣстностью. Труды г. Чичерина доказываютъ, что онъ обладаетъ всѣми ка-
чествами, нужными для того, чтобы современемъ,—и, по всей вѣроятности,
въ скоромъ времени,—пріобрѣсть знаменитость, какая достается на долю только
очень немногимъ избранныкамъ. Въ его сочиненіяхъ обнаруживается свѣтлый
и сильный умъ, обширное и основательное знаніе, вѣрный взглядъ на науку,
рѣдкая любовь къ истинѣ, благородный жаръ души; онъ имѣеть даръ пре-
краснаго изложенія. Если, при такихъ сляхъ, онъ не сдѣлается въ скоромъ
времени однимъ изъ корифеевъ нашихъ, то развѣ въ томъ случаѣ, когда
покипеть ученую дѣятельность. Если же онъ будетъ продолжать трудиться
для науки съ тою ревностью, какъ началъ, то, безъ сомнѣнія, дѣятельность

его составить эпоху въ развитіи науки, которую онъ набралъ главнымъ предметомъ своихъ занятій.

Значить ли это, что мы не находимъ никакихъ слабыхъ сторонъ въ изслѣдованіи г. Чичерина?—нѣтъ; труды, которые до сихъ поръ имъ изданы, отличаясь рѣдкими и высокими достоинствами, имѣютъ, конечно, и свои недостатки, но самые эти недостатки такого рода, что еще болѣе ругаются за будущность его таланта, носятъ въ себѣ залогомъ высшихъ достоинствъ: они происходятъ, какъ по всему видно, главнымъ образомъ оттого, что онъ еще не вполне пользуется своими силами, еще вѣрится въ сообразность съ его собственными понятіями тѣхъ рѣшеній, какія были даны тою или другою изъ нашихъ историческихъ школъ,—словомъ, еще полагается во многомъ на авторитетъ того или другаго изъ нашихъ историковъ.

Это очень естественно: до сихъ поръ г. Чичеринъ занимался изслѣдованіемъ только частныхъ, хотя очень важныхъ вопросовъ. Ему еще не представлялось случаевъ подробно разсматривать общіихъ понятій о развитіи русской исторической жизни, обыкновенно принимаемыхъ нынѣ; онъ принимаетъ эти общія понятія безъ ближайшей повѣрки. Такъ дѣлаютъ и многіе другіе изслѣдователи, занимающіеся частными изысканіями. Но, между тѣмъ, какъ другіе спокойно подчиняются въ направленіи своихъ изслѣдованій духу школы, авторитетъ которой принимаютъ, г. Чичеринъ обнаруживаетъ въ своихъ частныхъ изысканіяхъ независимый взглядъ. Изъ этого иногда возникаетъ, быть можетъ, еще незамѣтное для него, несогласіе между его взглядомъ и духомъ школы, терминологию которой онъ употребляетъ, иногда терминологию, которой онъ считаетъ нужнымъ держаться, получаетъ въ его сочиненіяхъ новый смыслъ. Такимъ образомъ, г. Чичеринъ иногда не избѣгаетъ нѣкоторой сбивчивости въ изложеніи своихъ понятій, которыя не находятъ себѣ соответствія въ терминологіи, принятой имъ безъ точнаго наслѣдованія. Конечно, это недостатокъ, но недостатокъ, возникающій не отъ слабости, а отъ избытка силъ; и не трудно предвидѣть, къ чему приведутъ противорѣчія, которыхъ теперь не избѣгаетъ г. Чичеринъ, соединяя результаты своихъ изслѣдованій съ понятіями, взятыми изъ прежнихъ школъ: мало по малу, онъ увидитъ необходимость подвергнуть критикѣ тѣ общія воззрѣнія на русскую исторію, которыя сначала оставались внѣ круга его частныхъ изысканій; увидитъ, что его наслѣдованіями потрясаются тѣ основанія, на которыя прежде онъ полагался, — и постепенно образуется у него самостоятельная точка зрѣнія на ходъ событій русской исторіи. Это произойдетъ само собою, если только г. Чичеринъ намѣренъ специально посвятить свои дарованія разработкѣ русской исторіи.

И достоинства и нынѣшніе недостатки его изслѣдованій доказываютъ, какъ мы сказали, что онъ не изъ тѣхъ людей, которые живутъ чужими понятіями, а изъ тѣхъ, которые имѣютъ силу пролагать новые пути въ наукѣ.

Къ такому убѣжденію пришли мы, прочитавъ изслѣдованіе г. Чичерина объ областныхъ учрежденіяхъ Россіи въ XVII вѣкѣ. Только тамъ, гдѣ авторъ, принимая безъ ближайшаго разбора общія воззрѣнія прежнихъ историческихъ школъ, беретъ на себя отвѣтственность за идеи, не имѣя самимъ выведенными изъ строгаго разбора фактовъ, можно и, кажется намъ, должно съ нимъ спо-

рять. Но когда онъ является самостоятельнымъ изслѣдователемъ фактовъ, трудно не соглашаться съ нимъ вполне.

Начнемъ съ тѣхъ понятій въ книгѣ г. Чичерина, которыя кажутся намъ или не совершенно справедливыми, или изложенными не совершенно удовлетворительною терминологіею.

Авторъ считаетъ учрежденіе воеводъ примѣненіемъ «государственныхъ началъ» къ областному управленію. Намъ казалось вѣрнѣе бы замѣнить выраженіе «государственныя начала» просто—ну хоть бы словомъ «централизація въ областномъ управленіи». Понятія «государство» и «централизація» совершенно различны. Въ Англии, въ Сѣверной Америкѣ централизація нѣтъ; а государства эти и сильны и благоустроены. Централизація является необходимою формою только тамъ, гдѣ существуетъ партикуляризмъ, гдѣ части одного и того же народа готовы жертвовать областному интересу національнымъ единствомъ. У насъ этого никогда не было (за исключеніемъ развѣ Новгород): сознаніе національнаго единства всегда имѣло рѣшительный перевѣсъ надъ провинціальными стремленіями,—если только были со времени Ярослава какія нибудь провинціальныя стремленія, — которыхъ, надобно сказать, вовсе не видно, и которыхъ потому не должно предполагать: распаденіе Руси на удѣлы было, чисто, слѣдствіемъ дѣлежа между князьями, дѣломъ потоиковъ Ярослава или, пожалуй, и самого Ярослава, но не слѣдствіемъ стремленій самого русскаго народа. Удѣльная разрозненность не оставила никакихъ слѣдовъ въ понятіяхъ народа, потому что никогда и не имѣла корней въ его сердцѣ: народъ только подчинялся семейнымъ распоряженіямъ князей. Какъ только присоединяется тотъ или другой удѣлъ къ Москвѣ, дѣло кончено: тверитянинъ, рязанецъ—такой же истый подданный московскаго царства, какъ и самый кореввой москвичъ; онъ не только не стремится отторгнуться отъ Москвы, даже не помнитъ, былъ ли онъ когда въ разрозненности отъ другихъ московскихъ областей: онъ знаетъ только одно—что онъ русскій. При такой силѣ національнаго чувства, государственное единство нимало не нуждалось въ поддержкѣ централизаціею управленія.

Мы предлагаемъ замѣнить выраженіе «государственныя начала» понятіемъ «централизація» не потому, чтобы послѣднее слово было совершенно удовлетворительно своею точностью; оно все еще слишкомъ широко: централизація, государственная и областная, была и есть во многихъ странахъ, а намъ нужно было бы найти выраженіе, которое примѣнялось бы именно къ русской исторіи,—и если господину Чичерину или кому другому удастся найти болѣе точное опредѣленіе централизующаго принципа, отъ котораго зависѣло развитіе русской жизни, мы будемъ тому очень рады; но пока мы будемъ употреблять хотя слово централизація, за недостаткомъ болѣе точнаго выраженія: «централизація» все-таки гораздо опредѣлительнѣе, нежели «государственныя начала», потому все-таки оставляетъ менѣе простора для недоразумѣній, какимъ очень во многихъ случаяхъ подвергается употребленіе выраженія «государственныя начала».

Г. Чичеринъ, конечно, не нуждается въ нашихъ поясненіяхъ, чтобы видѣть, до какой степени могутъ измѣниться понятія о смыслѣ различныхъ

явленій русской исторіи, когда точнѣе опредѣляются принципы, управлявшіе развитіемъ этихъ явленій.

Такъ, напримѣръ, если воеводы признаются представителями государственнаго начала въ областномъ управленіи, то всѣ областныя учрежденія, замѣненные воеводами, признаются противорѣчивыми государственному началу, національному интересу. Если же воеводъ считать только представителями централизаціи, учрежденіе воеводъ и паденіе другихъ учреждений являются въ иномъ свѣтѣ.

Намъ кажется, что съ характеромъ возрѣвннй, принадлежащихъ самому г. Чичерину, гораздо болѣе гармонируетъ понятіе о воеводахъ просто какъ о представителяхъ централизаціи въ областномъ управленіи.

Въ числѣ возрѣвннй, не столько принадлежащихъ самому г. Чичерину, сколько принимаемыхъ имъ по авторитету различныхъ историческихъ школь, есть еще одно довольно важное, съ которымъ мы не хотѣли бы соглашаться. Это возрѣвннн состоитъ въ томъ, что, при паденіи учреждений, главная вина паденія всегда заключается въ несоотвѣтственности съ потребностями прогресса, при возвышеніи учреждений всегда главною причиною возвышенія бываютъ потребности прогресса. Къ сожалѣнію, факты не всегда соотвѣтствуютъ такому понятію объ историческомъ движеніи. Мы нимаю не принадлежимъ къ приверженцамъ какой бы то ни было старины; мы не сомнѣваемся и въ томъ, что если нѣтъ слишкомъ сильныхъ причинъ, извращающихъ натуральное развитіе народной жизни, то жизнь идетъ впередъ, и повднѣйшія явленія бываютъ совершеннѣе предшествовавшихъ имъ. Но часто бываетъ и иначе. Если историческое движеніе цѣлаго человѣческаго рода всегда идетъ путемъ прогресса, то отдѣльные народы подвергаются часто влншнню неблагоприятныхъ обстоятельствъ. Въ примѣръ, довольно указать на исторію Испаніи. Понятіе о прогрессѣ имѣетъ свои ограниченія въ жизни народовъ. Еще чаще такіе несоотвѣтственныя прогрессу явленія замѣчаются, когда мы беремъ исключительно одну сторону народной жизни. Потому едва ли можетъ соотвѣтствовать истинѣ такое построеніе исторіи отдѣльной націи, въ которомъ рѣшительно каждое важное явленіе въ каждой отрасли народной жизни представляется возникающимъ и упадающимъ сообразно правилу прогрессивнаго развитія. А именно таково построеніе, принимаемое безъ ближайшей критики г. Чичеринимъ. Нельзя сомнѣваться, что замѣненіе воеводъ другими учреждениями было дѣломъ прогресса: факты подтверждаютъ то; но дѣйствительно ли надобно видѣть прогрессъ въ учрежденіи воеводъ, мы не можемъ сказать утвердительно.

Предѣлы статьи не позволяютъ намъ приводить выписокъ изъ актовъ и лѣтописей, подтверждающихъ замѣчанія, кратко нами высказанныя; но читатель въ книгѣ самого г. Чичерина найдетъ множество фактовъ, которые доказываютъ, что учрежденіе воеводскаго управленія было слѣдствіемъ не государственнаго начала вообще, которое не нуждалось въ воеводахъ, а скорѣе дѣломъ административной централизаціи. Мы должны также, чтобы не увеличивать чрезмѣрно нашу рецензію, отказаться отъ нѣсколькихъ болѣе частныхъ замѣчаній: почти всѣ они, какъ мы уже сказали, относятся только къ тѣмъ мнѣніямъ, которыя приняты г. Чичеринимъ на вѣру, безъ

«смотрѣнія, и которыя, по всей вѣроятности, будутъ опровергнуты провинцальнымъ анализомъ самого автора, какъ скоро представится ему случай. подробнѣе наслѣдовать ихъ. Что же касается глѣхъ отдѣловъ книги, которые посвящены самостоятельному наслѣдованію частнаго вопроса, избраннаго авторомъ, то есть формъ и духа областныхъ учреждений XVII вѣка, мы можемъ только отдать полную справедливость добросовѣстности его труда и вѣрности его взгляда, съ которымъ невозможно не соглашаться. Постараемся въ нѣсколькихъ словахъ изложить результаты изысканій г. Чичерина, справедливость которыхъ несомнѣнна.

Первоначально князья, имѣя право суда и управленія въ подчиненныхъ имъ областяхъ, смотрѣли на это право единственно какъ на источникъ дохода для себя и для обогащенія людей, которые служили имъ. Судебная и административная власть была средствомъ «кормленія» служилыхъ людей. Определенныхъ учреждений въ этомъ дѣлѣ не существовало: все зависѣло отъ частныхъ распоряженій — и назначеніе судьи-правителя (кормленщика), я округъ его вѣдомства, и степень власти. Сколько доходовъ получить судья-правитель, это было уже его собственнымъ дѣломъ; онъ затѣмъ и назначался, чтобы «кормиться». Произволъ его ограничивался, правда, нѣкоторыми постановленіями. Но постановленія эти вообще не имѣли силы: они отмѣнялись по произволу въ частныхъ случаяхъ, да и сами по себѣ были недостаточны. Должно было, кромѣ того, ограничиваться отчасти вѣдомство, отчасти самоуправство назначаемыхъ правителей-судей властью, присвоенною въ нѣкоторыхъ дѣлахъ выборнымъ людямъ; но власть эта была также слишкомъ слаба, чтобы служить дѣйствительною преградю произволу, и, какъ безсильная и бесполезная, теряла дѣйствительное, а потомъ даже и формальное значеніе.

Таково было положеніе областного управленія въ началѣ XVII вѣка, когда повсюду стали назначаться воеводы, до того времени послыавшіеся только въ немногіе города по особеннымъ обстоятельствамъ, преимущественно на военное время. «Въ смутное время, въ началѣ XVII вѣка, когда войны и мятежи распространялись по всей землѣ, и всюду было необходимо присутствіе военной силы, воеводы являются почти во всѣхъ городахъ; со времени Михаила Феодоровича они составляютъ общее учрежденіе всей Россіи».

Такимъ образомъ, самъ г. Чичеринъ дастъ намъ удовлетворительное объясненіе происхожденія воеводскаго управленія. Воеводы первоначально были временными правителями округовъ, находившихся на военномъ положеніи. Въ этомъ качествѣ, разумеется, они имѣли чрезвычайную (дискреціонную) власть. Когда всѣ области были на военномъ положеніи, такіе полномочные правители явились повсюду, власть ихъ была удержана и тогда, когда обстоятельства подавшія поводъ къ ихъ установленію, миновались — явленіе, очень обыкновенное въ исторіи почти каждаго народа: власть стремится къ всегдашнему удержанію объема, приобретеннаго по поводу скоротечныхъ обстоятельствъ. Такое точное объясненіе напрасно стали бы мы дѣлать бесполезнымъ, относимъ его къ слишкомъ отвлеченному понятію государственнаго начала: оно очевидно относится къ болѣе опредѣлительному понятію «полномочной централи-

ю всѣ другія учрежденія исчезаютъ или подчиняются власти воеводъ.

или измѣняютъ свой характеръ сообразно духу преобладающей воеводской власти.

Въ понятіи государственнаго начала вообще лежитъ идея стремленія къ постоянному, прочному, легальному порядку; напротивъ того, диктатура, хотя и составляетъ одну изъ формъ государственнаго быта, по самой сущности своей противоположна этой идеѣ постоянства и опредѣлительности: потому-то мы находимъ совершенно соответствующими сущности того стремленія, изъ котораго возникло упороченіе и распространеніе по всѣмъ областямъ Россіи воеводскаго управленія, ту неопредѣлительность и безпорядочность, которая составляла отличительный характеръ воеводскаго учрежденія; всѣ усиленія высшаго правительства поставить власти воеводъ какіе либо опредѣленные предѣлы оставались безуспѣшны, потому что несомнѣсны были съ самымъ принципомъ, изъ котораго возникло и которымъ поддерживалось воеводское управленіе—принципомъ полномочія.

Въ учрежденія воеводскаго управленія все было дѣломъ произвола и случая, начиная отъ предѣловъ округа, поручаемаго воеводѣ, до предѣловъ вручаемой ему власти. Иной воеводскій округъ обнималъ цѣлую обширную область, иной былъ очень невеликъ; иные воеводы имѣли сношенія прямо съ московскими приказами, иные были подчинены другимъ воеводамъ и, будучи подчинены имъ, иногда съ тѣмъ вмѣстѣ зависѣли прямо отъ приказовъ. Въ большихъ городахъ у воеводы были товарищи, одинъ или двое, какъ случится, въ одномъ и томъ же городѣ; а иногда въ томъ же самомъ городѣ бывалъ воевода и безъ товарищей. Отношеніе воеводы къ своимъ товарищамъ бывало различно: то онъ ничего не могъ сдѣлать безъ ихъ совѣта, то поручались имъ отдѣльныя части управленія, то воевода повелѣвать своими товарищами. Опредѣленныхъ правилъ на эти отношенія не существовало. Въ малыхъ городахъ бывалъ одинъ воевода, безъ товарищей.

Такъ какъ мы не можемъ въ равной подробности изложить содержаніе всѣхъ отдѣловъ книги г. Чичерина, то ограничимся только главнѣйшимъ отдѣломъ—«о воеводахъ большихъ городовъ». Къ воеводамъ приписныхъ городовъ вообще можно приложить все, что извѣстно о воеводахъ главныхъ городовъ, только съ тою разницею, что они были подчинены, въ большей часта случаевъ, не прямо московскимъ приказамъ, а воеводамъ главныхъ городовъ; но духъ управленія и характеръ власти былъ одинъ и тотъ же. Всѣ другія областныя учрежденія далеко уступали своею важностью воеводамъ, которымъ обыкновенно и подчинялись. Потому о характерѣ областныхъ учрежденій въ XVII вѣкѣ можно составить себѣ достаточное понятіе, рассмотрѣвъ только воеводство главныхъ городовъ.

Прежде всего повторимъ, что общихъ правилъ, которыя бы постоянно дѣйствовали, не было ни въ назначенія, ни въ границахъ власти воеводъ, ни въ чемъ другомъ, относящемся до нихъ: все опредѣлялось частными распоряженіями, такъ что были только случаи болѣе частые и случаи менѣе частые. Мы будемъ, говоря о характерѣ воеводской власти, опредѣлять ее сообразно съ болѣе частыми случаями; но не должно забывать, при каждомъ опредѣленія, что оно примѣнялось далеко не ко всѣмъ воеводамъ и не постоянно. а вездѣ и во всемъ бывали частыя случайныя исключенія, не подходившія

подъ болѣе обычный распорядокъ: все зависѣло отъ обстоятельствъ и отъ воли назначавшихъ или отъ личнаго положенія назначаемыхъ.

Воеводы избирались изъ числа просителей, хлопотавшихъ о полученіи воеводскаго мѣста; въ челобитныхъ они писали: «прошу отпустить покормиться». Воеводство было обыкновенно жалованьемъ за военную службу и отдыхомъ отъ нея.

Воеводы посылались на срокъ, на два или на три года: этого срока было достаточно, чтобы «накормиться». Притомъ, сдача дѣлъ и казеннаго имущества преемнику была единственною нѣсколько серьезною отчетностью, и безсрочность была бы совершенною безотчетностью. Обыкновенно и двухъ лѣтъ не удерживался воевода на мѣстѣ (въ Шуѣ втеченіе 76 лѣтъ смѣнилось 52 воеводы): челобитчиковъ, просившихся на эти мѣста, было такъ много, что приказы не затруднялись смѣнять назначенныхъ людей новыми.

При назначеніи, воеводѣ давался наказъ для руководства въ управленіи. (Общей системы для этихъ наказовъ не существовало: иногда они бывали очень подробны, иногда ограничивались немногими указаніями. Препными наказами воеводѣ предоставлялось руководствоваться, когда нужно, по его собственному усмотрѣнію; да и тотъ наказъ, который давался ему самому, не былъ для него обязательнъ: «буде въ сихъ вышписанныхъ статьяхъ (говорилось въ наказахъ) что явится къ нынѣшнему дѣлу и времени и исправленію несогласно, и чего будетъ дѣлать не мочно и казнѣ убыточно, и воеводамъ чинить въ тѣхъ статьяхъ по своему правому разсмотрѣнію». Иногда—впрочемъ, рѣдко—предписывалось о недоумѣніяхъ спрашивать разрѣшенія приказовъ, обыкновенно же разрѣшалось «дѣлать какъ Богъ вразумитъ». Такимъ образомъ, давался полный просторъ произволу воеводы.

Пріѣхавъ на мѣсто, воевода принималъ дѣла и казенное имущество отъ своего предшественника; но отвѣтственность обыкновенно лежала тутъ на дьякахъ, по частой безграмотности воеводъ и незнакомству ихъ съ дѣлами и сче-тами. Приказы получали отчеты, но не могли услѣдить по нимъ дѣйствій воеводъ; потому сдача дѣлъ при смѣнѣ была въ сущности единственною отчетностью, да и за ходомъ этихъ сдачъ приказы не могли услѣдить, потому что новые воеводы или ихъ дьяки не всегда сообщали о томъ приказамъ.

Если при сдачѣ финансовыя дѣла оказывались въ порядкѣ, за упущенія и злоупотребленія по другимъ частямъ воевода не подвергался отвѣтственности, развѣ въ случаѣ особеннаго челобитья на него царю.

Вѣдомству воеводы подлежали «всякія дѣла», такъ что вообще не было опредѣленныхъ границъ воеводской власти: воевода завѣдывалъ дѣлами духовными, иностранными, военными, разрядными, помѣстными, судебными, полицейскими и финансовыми. Но въ подвластности воеводамъ дѣлъ каждаго рода было множество изъятій или случаевъ столкновенія съ другими властями. Такъ, напримѣръ:

По духовномъ дѣламъ—воеводамъ запрещалось вмѣшиваться въ «духовныя дѣла и духовный чинъ»: церковь была независима отъ свѣтской власти. Но часто воевода завѣдывалъ постройкою церквей, раздачею церковнымъ причтамъ земли и жалованья, обыкновенно повѣрялъ отчетность монастырей при смѣнѣ настоятелей; ему предписывалось вообще давать епископу своихъ стрѣль-

цовъ и пушкарой для помощи против ослушниковъ, а иногда—безъ собственнаго розыска не дѣлать того; иногда воеводѣ поручался даже надзоръ за поведеніемъ священниковъ, иногда—за исполненіемъ церковныхъ обрядовъ со стороны прихожанъ; иногда воеводы управляли монастырскими вотчинами.

По иностраннымъ дѣламъ—воеводамъ пограничныхъ городовъ то разрѣшалось, то запрещалось сносятся съ иноземными державами и ихъ чиновниками.

По военныя дѣламъ, которыя были сосредоточены въ рукахъ воеводъ, ихъ власти не подлежали монастырскія крѣпости (а иногда и подлежали). Такое же то изъятіе отъ власти, то предоставленіе постороннихъ дѣлъ власти воеводъ встрѣчаемъ въ дѣлахъ разрядныхъ и помѣстныхъ.

Въ судопроизводствѣ одни и тѣ же гражданскія дѣла то рѣшались воеводами, то отсылались воеводами въ приказы, то рѣшались приказами мимо воеводъ, которыми должны были бы рѣшаться: все зависѣло либо отъ усмотрѣнія воеводы, либо оттого, воеводѣ или московскому приказу вздумаетъ подать жалобу свою истецъ. Уголовныя дѣла подлежали воеводѣ, гдѣ не было губныхъ старостъ, или губныхъ старостамъ, если не было для этихъ дѣлъ особенныхъ сыщиковъ. Все зависѣло отъ случая: безпрестанно то отнимались у воеводъ уголовныя дѣла и поручались губнымъ старостамъ, то уничтожались губныя старосты и дѣла ихъ передавались воеводамъ. Иногда уголовныя дѣла въ округѣ одного воеводы поручались завѣдыванью воеводы другаго округа. Воеводы иногда казнили, иногда не могли казнить смертью, иногда посылали, иногда не обязывались посылать въ Москву вѣдомости о наказанныхъ преступникахъ. Цѣлые классы и отдѣльныя лица были изъяты изъ общей подсудности; но и тутъ не было постоянныхъ или ясныхъ правилъ, такъ что вопросъ о подсудности былъ очень запутанъ.

Дѣла, подлежавшія вѣдомству воеводъ, были чрезвычайно разнородны. Вообще, когда и случалось, что воевода не всѣми отраслями администраціи и судопроизводства завѣдывалъ самъ, то онъ долженъ былъ вмѣшиваться во все, при перевѣсѣ своей власти надъ другими учрежденіями и при недостаткѣ точныхъ границъ въ распредѣленіи дѣлъ по различнымъ родамъ. Но главною его заботою былъ сборъ податей; а всѣ остальные дѣла были уже второстепенными въ сравненіи съ этимъ важнѣйшимъ для государства.

Система податей была чрезвычайно разнообразна и запутанна. Подати и устанавливались и измѣнялись по отдѣльнымъ распоряженіямъ, безъ всякихъ общихъ соображеній; точно также опредѣлялся и порядокъ ихъ сбора. И тутъ, какъ вездѣ, существовало множество изъятій и временныхъ и мѣстныхъ правилъ или исключеній. Тутъ была полнѣйшая свобода собственному усмотрѣнію воеводы, потому что отвѣтственность за сборъ падала на него и была единственною важною его отвѣтственностью: нодоборъ въ податяхъ взыскивался съ него, за недоборъ ому грозила опала и наказаніе.

Въ дѣлахъ питойнаго и таможеннаго сбора бывали обыкновенно сначала, подъ надзоромъ воеводы, особенные выборные головы и цаловальники (впрочемъ, иногда ихъ назначалъ самъ воевода, иногда они присылались изъ Москвы),—п тутъ отвѣтственность за недоборы и упущенія падала на нихъ, а не на воеводу, которому они, однако, были подчинены; но, мало по малу, та-

можна и кабаки были—вирочемъ, не вездѣ—изъяты отъ власти воеводы, хотя преслѣдованіе корчемства и контрабанды осталось въ его вѣдомствѣ.

Такимъ образомъ, къ вѣдомству воеводъ принадлежали всѣ дѣла областного управленія; но были въ областномъ управленіи и другія власти, кромѣ воеводъ. Яснаго разграниченія въ вѣдомствахъ не существовало, повсюду было множество изъятій и временныхъ мѣръ, такъ что областное управленіе въ XVII вѣкѣ представляется совершеннымъ хаосомъ,—и надъ всѣмъ этимъ хаосомъ возвышалось въ областяхъ только обыкновенное разрѣшеніе воеводамъ поступать, когда покажется нужно, по собственному усмотрѣнію, какъ лучше для выгодъ казны.

Такую же запутанность встрѣчаемъ мы въ подчиненности воеводъ московскимъ приказамъ, въ дѣлопроизводствѣ и отчетности ихъ, если только можно назвать отчетностью почти совершенное отсутствіе контроля и всякой опредѣлительной отвѣтственности.

Подлѣ воеводъ, почти всегда въ подчиненіи власти ихъ, существовали нѣкоторыя учрежденія, основанныя обыкновенно на выборахъ: таможенные и кабацкіе головы и целовальники, губные и земскіе старосты и целовальники; но не было ни опредѣлительности въ порядкѣ выборовъ, ни самостоятельности избирающихъ и избираемыхъ; часто, вмѣсто выборовъ, назначеніе дѣлалось изъ Москвы или властью воеводы; все было подчинено власти или доступно вмѣнательству воеводы. Потому, на дѣлѣ, выборныя учрежденія не имѣли силы и сохраняли (когда сохраняли) свое существованіе только тѣмъ, что проникались тѣмъ же самымъ духомъ, который господствовалъ въ воеводскомъ управленіи.

Таковы были областныя учрежденія Россіи въ XVII вѣкѣ, и только съ Петра Великаго, начинается появляться опредѣлительный порядокъ въ этомъ хаосѣ.

Мы изложили выводы, къ которымъ приводитъ самостоятельное изслѣдованіе г. Чичерина: противъ этихъ выводовъ невозможно сдѣлать никакого сколько нибудь значительнаго возраженія, которое могло бы назваться основательнымъ.

Нѣтъ надобности говорить, какъ важенъ вопросъ, объясняемый прекраснымъ трудомъ молодого историка. Отъ вопроса о состояніи Россіи въ XVII вѣкѣ зависитъ рѣшеніе вопроса о необходимости реформы Петра Великаго и о томъ, много ли зародышей благоустроеннаго развитія представляетъ историческая жизнь наша до Петра Великаго. Благодаря г. Чичерину, вопросъ этотъ рѣшенъ относительно одной изъ важнѣйшихъ сторонъ народной жизни—относительно порядка дѣлъ, существовавшаго въ селахъ, городахъ и областяхъ русскихъ.

Надобно желать, чтобы столь же основательные и проницательные изслѣдователи рассмотрѣли другія стороны народной жизни въ XVII вѣкѣ. Г. Забѣлинъ представилъ превосходныя изслѣдованія о нѣкоторыхъ сторонахъ домашняго быта. Остается еще широкое поле для другихъ подобныхъ изслѣдованій о томъ же періодѣ. Хорошо было бы, еслибъ у насъ являлось больше такихъ людей, какъ г. Забѣлинъ и г. Чичеринъ, являлось побольше ученыхъ, столь даровитыхъ и живыхъ.

Но нашъ отчетъ о трудѣ г. Чичерина былъ бы слишкомъ неполонъ. Если бы мы, высказавъ, въ чемъ, по нашему мнѣнiю, не долженъ былъ соглашаться г. Чичеринъ съ понятiями, чуждыми его собственному направленiю. и пересказавъ собственные его выводы, съ которыми нельзя не соглашаться. не дали читателю возможности видѣть, до какой степени простирается нѣтъ самостоятельность понятiй г. Чичерина и на сколько еще допускаетъ онъ въ свое изложенiе чуждую ему терминологию. Отчасти съ этою цѣлью, отчасти для того, чтобы читатели, еще не имѣвшие случая познакомиться съ его трудами, убѣдились въ высокихъ достоинствахъ, какими отличаются его произведенiя, мы представляемъ довольно обширную выписку изъ его книги. Мы беремъ страницы, въ которыхъ высказываетъ онъ самъ «заключенiе», общiй выводъ изъ своего изслѣдованiя:

«Государство было исходною точкою всего общественнаго развитiя Россiи съ XV вѣка. Возникшее на развалинахъ средневѣковыхъ учрежденiй, оно нашло вокругъ себя частое поле; не было мелкихъ союзовъ, крѣпкихъ и замкнутыхъ; отдѣльныя личности, бродящiя съ мѣста на мѣсто и занятыя исключительно своимъ частными интересами, одни противостояли новому общественному союзу. Главною задачею сдѣлалось устройство государства, которое организовалось сверху, а не снизу: нужно было ему устроить общiй союзъ, а частные должны были служить ему орудiемъ. Поэтому на всѣхъ учрежденiяхъ лежалъ государственный характеръ, и такъ какъ прежде всего нужны были государству материальныя средства, то и задача управленiя была преимущественно финансовая. Этимъ XVII вѣкъ отличается отъ XVIII, въ которомъ цѣлью управленiя сдѣлались также промышленность и образованiе, хотя и эти отрасли дѣятельности первоначально развивались въ видахъ государственной пользы.

«Средства новаго государства были, однако же, ничтожны: ему недоставало людей, и оно сдѣлало государственную службу повинностью сословiй. Ему недоставало денегъ, и оно учредило множество мѣстныхъ повинностей въ пользу государства. Ему недоставало наконецъ и административныхъ средствъ, и оно восполняло ихъ отвѣтственностью подданныхъ. Такимъ образомъ, надзоръ за мѣстными правителями былъ почти невозможенъ; повсюду отвѣтственность за сборы возложена была какъ на мѣстныхъ жителей, которые обязаны были выбрать «вѣрныхъ» сборщиковъ, такъ и на самихъ сборщиковъ и правителей, которые отвѣчали за успѣхъ своимъ лицомъ и имуществомъ. Точно также и богатство отдѣльныхъ лицъ мало подлежало влiянiю государства, которое не имѣло средствъ ни узнать количество имущества подданныхъ, ни удержать ихъ на мѣстахъ, ни даже принудить ихъ къ уплатѣ податей. Поэтому уплата была возложена на цѣлыя общины, которыя отвѣчали за всѣхъ членовъ и сами уже взыскивали съ нихъ деньги. Эта система повинностей проникла, такимъ образомъ, во всѣ отношенiя: земскiе люди несли службы, отправляли повинности, отвѣчали на сборы, отвѣчали даже за поведенiе всѣхъ живущихъ среди нихъ подозрительныхъ людей, хотя не имѣли на нихъ никакого влiянiя.

«Ничтожность государственныхъ средствъ, незначительное влiянiе центральной власти на областное управленiе дѣлали необходимымъ усиленiе власти воеводъ. Поэтому всякаго рода дѣла сосредоточивались въ ихъ рукахъ, къ чему, съ другой стороны, вели младенческое состоянiе правительственныхъ учрежденiй и самая запутанность администрацiи.

«Эти три черты областного управленiя: государственный характеръ учрежденiй, система повинностей и соединенiе всѣхъ дѣлъ въ рукахъ воеводъ, характеризуютъ всю эпоху, простирающуюся отъ возникновенiя государства въ XV вѣкѣ до временъ Еваторiя II; только начальство надъ постоянными войсками отнято было у воеводъ при Петрѣ I. Но Московское государство имѣло свои особенности, которыя рѣзко отличаютъ его отъ петровскихъ временъ. Въ основанiи всѣхъ этихъ обязанностей лежалъ самый способъ законодательной дѣятельности: въ Московскомъ государствѣ почти

вес совершалось не на основании общих соображений, а частными мѣрами; оно *управлялось не законами, а распоряженіями*. Главнымъ руководствомъ въ областномъ управленіи служили указы, которые давались должностнымъ лицамъ; но эти указы вручались отдѣльно каждому лицу; содержаніе ихъ было чрезвычайно разнообразно; изложенныя въ нихъ правила далеко не обнимали собою всѣхъ случаевъ, и обыкновенно они не были даже обязательны для правителей. Общаго же указа не было до времени Петра Великаго. Этотъ ходъ законодательства опредѣлилъ собою весь характеръ областного управленія того времени.

«Первымъ слѣдствіемъ было то, что административныя учрежденія не были повсемѣстными; однимъ округомъ управляли воеводы, другимъ городове прикащики, третьимъ губные старосты, въ четвертомъ были одни земскія власти. Губныя дѣла завѣдывались гдѣ воеводами, гдѣ губными старостами, гдѣ сыщиками; въ однихъ мѣстахъ были земскіе судейки, въ другихъ ихъ вовсе не было. Тоже можно сказать и о множествѣ другихъ учрежденія.

«Самыя мѣры были отрывочны; законодательство не составляло системы, исходящей изъ общаго начала и проникающей во всѣ частности. По мѣрѣ появленія случайной практической потребности дѣлалось въ одномъ мѣстѣ одно распоряженіе, въ другомъ иное; прежнія учрежденія оставались подлѣ новыхъ, которыя часто имъ противорѣчили, и все вто вмѣстѣ составляло беспорядочную массу самыхъ разнородныхъ и отрывочныхъ распоряженій. Такимъ образомъ, въ учрежденіяхъ XVII вѣка можно видѣть слѣды всѣхъ прежнихъ системъ управленія: жалованныя грамоты и привилегіи, кормы, частное поручительство, родственныя отношенія въ службѣ напоминали средневѣковую жизнь; отъ системы XVI вѣка остались земскіе судейки, губные старосты и городове прикащики, самостоятельно урарявлившіе отдѣльными округами. Все это перемѣшивалось безъ всякаго порядка, безъ всякой системы.

«Правительственныя мѣры, кромѣ того, были чрезвычайно разнообразны. Оспособъ управленія было много, и каждый избирался по мѣстному удобству и случайнымъ соображеніямъ. Не было для каждаго дѣла единого, общаго, законнаго способа, опредѣленнаго государственными потребностями; частныя виды рѣшали все, и если отъ этого выигрывало иногда мѣстное удобство, то цѣлое управленіе дѣлалось отъ этого необыкновенно сложнымъ и запутаннымъ. Одно и то же дѣло поручалось иногда одному лицу, иногда другому; вѣдомство, права и взаимныя отношенія должностныхъ лицъ опредѣлялись самыми разнообразными постановленіями, безъ руководящихъ нормъ; различныя системы управленія — коллегіальная, бюрократическая, приказная, вѣрная, земская, замѣнялись одна другою безъ всякаго установленнаго правила. Способы дѣйствія были также различны и весьма часто опредѣлялись, иногда въ очень важныхъ случаяхъ, не общимъ закономъ, а усмотрѣніемъ мѣстныхъ властей. Наконецъ и самое подчиненіе было весьма разнообразно: одни и тѣ же дѣла завѣдывались то однимъ приказомъ, то другимъ.

«Отсюда происходило неравенство во всѣхъ сферахъ областного управленія. Развѣтное государство, устанавливая общественный порядокъ, уравниваетъ всѣ явленія общественной жизни и подводитъ ихъ подъ общія категоріи, опредѣляемыя государственными потребностями. Но такихъ общихъ категорій или разрядовъ не было въ Московскомъ государствѣ; всѣ явленія оставались въ томъ случайномъ видѣ, какой они получили, возникая каждое отдѣльно отъ другихъ. Если въ какомъ нибудь мѣстѣ неравенство было слишкомъ ощутительно и слишкомъ затрудняло управленіе, происходило частное уравненіе. Иногда же всѣ неравныя явленія располагались по известной лѣствицѣ, которая, сохраняя неравенство, придавала ему, однако же, нѣкоторую правильность. Такъ произошли: лѣствица городовъ, лѣствица воеводской чести, которая выражалась въ нѣкоторыхъ преимуществяхъ однагъ воеводъ передъ другими, лѣствица подьячихъ въ приказной избѣ. Но обыкновенно даже и этого не было; неравенство оставалось въ случайномъ беспорядкѣ, безъ всякаго опредѣляющаго правила. Такимъ образомъ, областное дѣленіе осталось въ томъ хаотическомъ видѣ, въ какомъ оно было при постепенномъ образованіи Московскаго государства; происходили только частныя уравненія, которыя еще болѣе увеличивали пестроту. То же самое можно сказать и о сте-

пени власти правителей: она определялась не общими категориями, а случайными соображениями, различными не только по местности, но и по времени. Одному давалось больше прав, другому меньше; получивший больше прав в одном разряде дѣлъ получалъ ихъ меньше въ другихъ; воевода значительнаго города въ некоторыхъ отношеніяхъ имѣлъ меньше власти, нежели воевода ничтожнаго города. То же должно сказать и о подчиненіи воеводъ однихъ другимъ, равно какъ и о подчиненіи другихъ мѣстныхъ правителей и сборщиковъ. Самые штаты были различны, какъ по мѣстности, такъ и по времени, или, лучше сказать, правильныхъ штатовъ вовсе не было: въ одинъ городъ посылалось то больше правителей, то меньше, на основаніи случайныхъ соображеній. Также неравны были наконецъ и права отдѣльныхъ союзовъ и лицъ: права даровывались имъ жалованными грамотами, по особенной царской милости, или за деньги, такъ что одни имѣли болѣе правъ, другіе меньше, некоторые же ихъ вовсе не имѣли, и все это не на основаніи какихъ либо государственныхъ вдовъ, но единственно потому, что одни сумѣли ихъ выпросить, а другіе нѣтъ. Это былъ остатокъ средневѣковой системы частныхъ привилегій.

«Такое неравенство устанавливалось саями указами, которые имѣли въ виду только частныя цѣли. Но во многихъ случаяхъ законъ вовсе не определялъ отношеній, и тогда все рѣшалось уже собственнымъ усмотрѣніемъ правителей и случайными мѣстными обстоятельствами. Въ Московскомъ государствѣ не было общихъ юридическихъ началъ, строго определяющихъ и разграничивающихъ права в обязанности лицъ; отсюда происходила юридическая неопредѣленность, которая господствовала въ администраціи. Вообще точность юридическихъ правилъ можетъ происходить изъ двойнаго источника: изъ частныхъ правъ и изъ государственнаго начала. Но въ администраціи Московскаго государства было весьма слабое развитіе частнаго права; оно предполагаетъ самостоятельную жизнь частныхъ союзовъ, а въ древней Россіи частныя союзы, вслѣдствіе отсутствія союзнаго духа, были очень непрочны и получили нѣкоторую крѣпость уже отъ государства. Поэтому они не имѣли въ самихъ себѣ твердыхъ юридическихъ началъ, которыя могли бы опредѣлять всѣ ихъ права и отношенія. Только тамъ, гдѣ дѣло касалось до личныхъ правъ отдѣльныхъ людей, напримѣръ, въ мѣстничествѣ, были и строгія юридическія правила и развитая юридическая казуистика. Въ мелкихъ же союзахъ юридической жизни почти не было, и даже тѣ права, которыя они приобретали жалованными грамотами, безнаказанно нарушались воеводами, а нерѣдко даже самимъ центральнымъ правительствомъ, которое, между тѣмъ, подтверждало прежнія грамоты. Съ другой стороны, и государственное начало не могло еще установить точныхъ юридическихъ правилъ. Оно было слишкомъ мало развито; все рѣшалось частнымъ удобствомъ, все дѣлалось частными мѣрами, распорядительнымъ образомъ. Личное усмотрѣніе имѣло гораздо болѣе значенія, нежели законное правило: общихъ соображеній, общей системы вовсе не было. Поэтому весьма много отношеній оставались совершенно неопредѣленными. Устанавливалась, напримѣръ, холмегильная форма управленія, но отношенія лицъ и способъ рѣшенія дѣлъ не опредѣлялись закономъ; производились выборы, но правила выборовъ, способъ подачи голосовъ предоставлялось опредѣлять самимъ избирателямъ; не было даже законнаго большинства, въ всѣ несогласія рѣшались яе установленными правилами, а частными распоряженіями.

«Также неопредѣленно было и разграниченіе вѣдомствъ, правъ и обязанностей правителей. Не было сознательнаго различія между центральной властью и мѣстной; одни и тѣ же дѣла, на совершенно одинакомъ основаніи, производились то тѣми, то другими, и это рѣшалось не только случайными соображеніями, частными правами, но и просто прихотью просителя, который могъ подавать просьбу и въ московскій привязъ и мѣстному правителю. Самое подчиненіе было часто очень неопредѣленно; въ некоторыхъ дѣлахъ, особенно въ финансовыхъ, довольно точно определялась степень власти мѣстныхъ правителей, но во многихъ случаяхъ и въ отношеніи въ приказамъ оставались совершенно неопредѣленными, и они дѣйствовали по собственному усмотрѣнію. Имъ предписывалось отсылать въ приказы тѣ дѣла, «которыя за чѣмъ вершить не ночью», и писать «по часту о всякихъ дѣлахъ», а вслѣдствіе этого они

дѣлали донесенія, какъ имъ надумывалось. Даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда имъ именно приказывалось доносить въ Москву о какомъ вибудь дѣлѣ, они нерѣдко пренебрегали этою обязанностью и въ продолженіе дѣльных годовъ не посылали ни донесеній, ни отчетовъ. Это отсутствіе іерархическаго порядка выражалось и въ отношеніяхъ подчиненныхъ правителей къ своимъ мѣстнымъ начальствамъ. Къ первымъ посылались изъ Москвы грамоты иногда черезъ вачальниковъ, иногда помимо ихъ; сами подчиненные дѣлали донесенія иногда своимъ начальникамъ, иногда мимо ихъ московскимъ приказамъ, иногда тѣмъ и другимъ вмѣстѣ.

«Не болѣе порядка было и въ разграниченіи отдѣльныхъ системъ управленія и вѣдомствъ различныхъ должностныхъ лицъ. Одни и тѣ же дѣла находились въ вѣдомствѣ различныхъ правителей, которыхъ взаимныя отношенія не были точно опредѣлены закономъ. Въ особенности это проявлялось въ отношеніяхъ воеводъ въ земскимъ властямъ. Объ отношеніяхъ ихъ къ вѣрнымъ сборщикамъ были еще нѣкоторыя постановленія въ наказѣ таможеннымъ и кабацкимъ главамъ, хотя и здѣсь многое оставалось не разрѣшеннымъ, и самыя постановленія были разнообразны. Но отношенія воеводъ къ земскимъ старостамъ и цаловальникамъ и къ земскимъ судейкамъ до послѣдней четверти XVII вѣка оставались безъ всякихъ законныхъ опредѣленій. Они завѣдывали одними и тѣми же дѣлами; но права ихъ и обязанности новее не были разграничены. Иногда только отдѣльнымъ общинамъ давались жалованьяныя грамоты, опредѣлявшія нѣкоторыя ихъ права; во и тѣ часто нарушались воеводами.

«Съ другой стороны, не было юридическаго опредѣленія самыхъ должностей. Извѣстная должность не уставовлялась для извѣтнаго разряда дѣлъ, но одно и то же дѣло поручалось, по усмотрѣнію, то одному, то другому, то третьему лицу, и, наоборотъ, въ однихъ рукахъ соединялись дѣла самыя разнородныя, часто не имѣвшія никакой связи между собою. Не было юридическаго анализа, раздѣляющаго дѣла на извѣстные разряды, и каждая должность носила болѣе характеръ порученія, нежели постоянного государственнаго учрежденія.

«Наконецъ и самыя округа, на которые простиралось вѣдомство правителей, не были точно разграничены: одинъ воевода посылалъ въ округъ другаго своихъ подчиненныхъ, которые сами дѣлали нужныя распоряженія. Земскіе округа, устанавливаемые для платежа податей и для отправленія повинностей, измѣнялись безпрерывно, безъ всякаго твердаго основанія. Не было юридически опредѣленныхъ, ясныхъ истинныхъ союзовъ, которые бы служили постоянными единицами для сбора податей и отправленія повинностей, но частное удобство опредѣляло, съ какого округа должны быть взимаемы сборы.

«Понятно, что при такой юридической неопредѣленности личному произволу было обширное поприще. Къ этому присоединялись: отсутствіе законныхъ формъ дѣлопроизводства, запутанность управленія въ недостатокъ административныхъ средствъ, которыя не позволяли правительству имѣть точныя свѣдѣнія о состояніи вѣтнаго управленія; наконецъ дальность разстоянія и трудность сношеній. Послѣдствіемъ всего этого было то, что злоупотребленій не было конца: не только тайное лихоимство, но явное нарушеніе законовъ, открытый и явный грабежъ и насилие были явленіемъ очень обыкновеннымъ. Для предупрежденія этихъ золъ правительство должно было прибѣгать къ самымъ стѣснительнымъ мѣрамъ, къ частымъ переменамъ правителей, что, съ другой стороны, не было выгодно для управленія и собственно даже приносило мало пользы. Поэтому подчиненные должны были иногда прибѣгать къ самовольнымъ поступкамъ, которые правительство дозволяло, потому что невозможно было вынести злоупотребленій.

«Изъ всего этого можно вывести, что въ областномъ управленіи Московскаго государства видно отсутствіе единообразнаго, повсемѣстнаго, систематическаго законодательства, отсутствіе общихъ разрядовъ и категорій, отсутствіе юридическихъ началъ,—словомъ, отсутствіе государственной сметы. Все совершалось распоряженіями, частными мѣрами, на основаніи частныхъ соображеній. Но такой порядокъ возможенъ только въ частномъ хозяйствѣ, гдѣ личный надзоръ хозяина служитъ лучшимъ руководствомъ въ управленіи; въ обширномъ же государствѣ такой надзоръ невозможенъ,

в необходимы твердыя, постоянныя правила, вытекающія изъ государственныхъ потребностей в сѣвсвѣяющія личный произволъ.

«Вообще, при развитіи государственнаго организма, ходъ законодательства можетъ быть двойной: практическій и теоретическій. Практическое законодательство отправляется отъ частныхъ потребностей и соображеній и медленно, незаметно измѣняетъ старый порядокъ вещей; теоретическое же, напротивъ того, отправляется отъ общей системы и прилагаетъ ее къ жизни, разрушая старый порядокъ и замѣняя его новымъ. Практический ходъ имѣетъ ту выгоду, что онъ не вдругъ измѣняетъ привычки, не нарушаетъ обычныхъ формъ, въ которыя люди уже вжились вѣками, не сбиваетъ съ толку в правителей и управляемыхъ. По зато, съ другой стороны, изъ чисто практическаго хода можетъ выйти самая безобразная, беспорядочная и запутанная система законодательства. Всѣ прежнія постановленія держатся, пока могутъ, потерявъ емысль, противорѣча новымъ, безъ всякой связи съ другими; то, что прежде было разумнымъ, дѣлается безсмеленнымъ, прежнее благодѣяніе обращается въ гнетъ, и внуки страдаютъ отъ остатковъ отцовскихъ учрежденій. Новыя постановленія дѣлаются безъ всякихъ общихъ соображеній, безъ всякой системы; общій порядокъ приносится въ жертву частному удобству, управление осложняется и запутывается до безконечности, произволъ является всюду, и злоупотребленіямъ нѣтъ конца. Поэтому, если при измѣненіи стараго порядка вещей сначала преобладаетъ практический ходъ законодательства, то самая безвыходность положенія ведетъ къ необходимости теоретическаго преобразования. Последнее отправляется также отъ практической потребности установить порядокъ и стройность въ государственномъ организмѣ; оно временно нарушаетъ привычки, производитъ смятеніе, иногда даже, при недостаткѣ практическаго взгляда, вводитъ учрежденія несвоевременныя или противныя народному духу; но эти частныя неудобства выкупаются водвореніемъ общественаго порядка, установленіемъ единства и правильности въ управленіи, умноженіемъ государственныхъ средствъ и развитіемъ народнаго благосостоянія.

«Изъ всѣхъ всторвческихъ народовъ одни римляне умѣли удлинительнымъ образомъ сочетать теоретическій ходъ съ практическимъ; на основаніи теоретическихъ воззрѣній, они медленно, незаметно измѣняли одну законодательную систему въ другую. Поэтому ихъ законодательство служитъ образцомъ для всѣхъ народовъ. Но римляне измѣняли свои національныя учрежденія, составлявшія стройную систему, въ учрежденія общечеловѣческія, составлявшія также стройную систему разумныхъ юридическихъ началъ. Новые же народы должны были вывести систему государственнаго организма изъ хаотическаго беспорядка средневѣковой жизни. Это были двѣ вотивоположныя крайности: средневѣковая жизнь съ своими частными правами, съ мелкими союзами, съ обособленіемъ каждой частной сферы, съ безконечнымъ раздробленіемъ частей и несоразмернымъ разнообразіемъ общественныхъ явленій; новое государство съ началомъ общественнаго блага в порядке, съ подчвненіемъ всѣхъ частныхъ общему праву, съ нераздѣльностью частей, съ единообразнымъ, систематическимъ законодательствомъ, съ правильнымъ устройствомъ государственнаго организма. При такомъ измѣненіи общественной жизни, новые народы шли различными путями: одни, находясь подъ вліяніемъ средневѣковыхъ учрежденій, разнообразныхъ и частныхъ, пошли путемъ практическимъ; другіе, основываясь на новомъ началѣ, дали законодательству направленіе теоретическое. Образцомъ первымъ служитъ Англія, гдѣ государство сложилось, какъ связь мѣстныхъ и частныхъ союзовъ, какъ сдѣлка различныхъ элементовъ общественной жизни средняхъ вѣковъ. Потому англійское законодательство, основанное на частныхъ правахъ в привилегіяхъ, на мѣстныхъ постановленіяхъ, на древнихъ законахъ, которые измѣняются только вслѣдствіе настоятельной практической необходимости, представляетъ такой беспорядокъ, такое отсутствіе всякой стройности и системы, такое множество безобразныхъ явленій, какъ никакое другое европейское законодательство. Но въ Англіи это искупается развитіемъ личныхъ правъ в общественнаго на нихъ чувства законности. Каждый сознаетъ ему съ любовью. Этого развитія личныхъ правъ въ европейскихъ законодательствахъ, которыя развива-

нались на основаніи общихъ государственныхъ потребностей, которыя сознавались теоретически и вводились въ жизнь вслѣдствіе этого сознанія; нерѣдко это дѣлалось систематическими преобразованиями и даже насильственными переворотами. Это въ особенности можно сказать о Франціи, гдѣ законодательство получило вслѣдствіе того необыкновенную стройность, такъ что ея административныя учрежденія послужили образцомъ для всей Европы.

«Московское государство по существу своему принадлежало къ тому разряду, гдѣ законодательство должно было развиваться путемъ теоретическимъ. Оно возникло не изъ условнаго соединенія мелкихъ союзовъ, не изъ сдѣлки различныиъ общественныхъ элементовъ, но образовалось вслѣдствіе новыхъ понятій объ общественной жизни, объ общественномъ порядкѣ и о верховной власти. Менѣе, нежели гдѣ нибудь, было въ немъ прочныиъ мелкихъ союзовъ; поэтому болѣе, нежели гдѣ нибудь, было въ немъ потребности въ государственной системѣ. Оно развилось не на основаніи частныхъ правъ, а на основаніи государственныхъ нуждъ въ пользу; все совершалось правительствомъ, все устанавливалось сверху; поэтому все должно было дѣлаться на основаніи систематическихъ воззрѣній. Общие юридическія нормы должны были замѣнять недостатокъ юридическаго сознанія въ народѣ.

«Однакожь, этого не было» въ законодательствѣ Іоанна IV видна попытка установить государственную систему: въ Судебникахъ, въ Уложеніи, въ Новоторговомъ уставѣ вада государственная мысль; но вообще все управление основано было на частныхъ распоряженіяхъ; общихъ соображенія не было, и все дѣлалось практически, безсознательнымъ образомъ. Это происходило оттого, что Московскому государству недоставало теоретическаго образованія. Только сознательная теорія, только разумныя юридическія положенія могутъ дать ключъ къ систематическому устройству государственнаго организма; чисто практическій ходъ можетъ привести къ этому развѣ въ продолженіе многихъ вѣвовъ. Объяснимъ это принятіемъ: при безконечномъ разнообразіи предметовъ управленія, нужно раздѣлить ихъ на извѣстныя отрасли, чтобы дать управленію правильное устройство. Но частныя измѣненія никогда не приведутъ къ такому раздѣленію: разнородныя явленія, смѣшанныя въ жизни, будутъ смѣшаны и въ управленіи; общій порядокъ, о которомъ гнѣтъ яснаго сознанія, будетъ всегда принесенъ въ жертву частному удобству. Систематическое раздѣленіе можно, слѣдственно, сдѣлать только теоретически, отправляясь не отъ того, что есть, а отъ того, что должно быть; потомъ уже слѣдуетъ приложить его къ жизни, примѣняясь къ практическимъ потребностямъ народа. То же должно сказать и объ устройствѣ арміи: нужно теоретическое знаніе военнаго искусства для того, чтобы привести ее въ желанное состояніе. При всякомъ систематическомъ устройствѣ государственныхъ учрежденій необходимо, слѣдственно, теоретическое образованіе, и когда является потребность одного, является потребность и другаго. Западные народы получили свое теоретическое образованіе изъ римскаго права, на почвѣ котораго они возникли; Россія должна была получить его отъ западныхъ народовъ. Поэтому, когда Петръ Великій дошелъ до сознанія о необходимости государственной системы, къ которому привела его современная ему жизнь, онъ прежде всего поѣхалъ на Западъ, перенялъ западное образованіе и существенною цѣлью поставилъ себѣ сближеніе Россіи съ западными государствами.

«Петръ Великій не ввелъ никакихъ новыхъ началъ въ областное управленіе: онъ только привнесъ въ порядокъ существующее. Попытка его установить правильное раздѣленіе областного управленія, которое прежде того все сосредоточивалось въ рукахъ воеводъ, была преждевременна и потому не удалась. Послѣ его смерти воеводы по прежнему соединили всю власть въ своихъ рукахъ; во управленіе получило уже правительственную организацію. Результатомъ преобразования было, слѣдственно, систематическое устройство управленія. Этимъ опредѣляется его значеніе, которое прямо вытекало изъ потребностей того времени и изъ характера государственныхъ учрежденій XVII вѣка. Преобразование Петра Великаго составляютъ третью эпоху въ развитіи областныхъ учреждений государства: въ XVI вѣкѣ установлены были общественныя почвенное на нихъ земское начало; въ XVII вѣкѣ развито было

правительственное начало; въ XVIII вѣкѣ весь государственный организмъ получалъ правильное, систематическое устройство.

Намъ кажется, что не только достоинство этихъ прекрасныхъ страницъ зависитъ исключительно отъ тѣхъ элементовъ, которые принадлежать здѣсь самому г. Чичерину, но кажется также, что эти самостоятельные элементы, если и не совершенно освобождены отъ чуждыхъ примѣсей, то уже замѣтнымъ образомъ преобладаютъ надъ ними. Остальное совершится временемъ, и совершится, какъ видно по силамъ, какія обнаруживаетъ авторъ, въ непродолжительномъ времени.

Г. Чичеринъ посвятилъ свою книгу «памяти Тимоея Николаевича Грановскаго», котораго, въ превосходномъ, полномъ глубокаго чувства предисловіи, называетъ своимъ наставникомъ и руководителемъ. Грановскій, вѣроятно, гордился такимъ ученикомъ, какъ г. Чичеринъ, и изслѣдовашіе, посвященное теперь памяти благаго учителя, какъ «дань искренней любви и признательности» — достойная дань.

Дворяне-благотворители. *Сказаніе* В. Порошина. *Спб.* 1856.

Вѣроятно, многимъ изъ читателей случилось слышать рассказы о замѣчательномъ поступкѣ князей Ширинскихъ-Шихматовыхъ, отпустившихъ на волю своихъ крестьянъ. Имѣя въ рукахъ акты, относящіеся къ этому прекрасному поступку, г. Порошинъ справедливо поставилъ себѣ священною обязанностью обнародовать эти документы, заслуживающіе полнаго вниманія, и объяснить ихъ свѣдѣніями, которыя доставлены ему были, по его настоятельной просьбѣ, однимъ изъ братьевъ, совершившихъ подвигъ высокой справедливости. «Исторіи—говоритъ г. Порошинъ, не имѣетъ дѣлю что либо доказывать; но она освѣщаетъ природу міра и человѣка, свойство вещей и образъ ихъ дѣйствія. Показывая, что было на самомъ дѣлѣ, она убѣдительно рѣшитъ вопросъ о томъ, что возможно или не возможно; а послѣдствія событій, ею же развиваемыя, свидѣлствуютъ и о томъ, что должно быть. Когда послѣдствія благопріятны, заключаемъ, что дѣло хорошо обдуманно, что оно зародилось отъ здравыхъ, благихъ началъ, и тѣмъ оцѣниваемъ самыя эти начала». (*Предисловіе.*) «Общее благо требуетъ (продолжаетъ авторъ), чтобы развитіе народныхъ силъ и дарованій не встрѣчало напрасныхъ преградъ; чтобы не тщетно сѣялъ Небесный Сѣятель; чтобы сѣмена его, взойдя, не увядали, а множились; чтобы черствая земля ихъ не подавляла: *sit illis terra levis!* Все, что способствуетъ преуспѣянію жизни человѣческой, восстанавливая правду общезжитія, ведетъ гражданское общество къ прямой его дѣли; а дѣль его — совершенствоваться и совершенствовать. Само собою разумѣется, что общія, въ этомъ дѣлѣ, преобразования исходятъ, преимущественно, отъ власти, право-правящей обществомъ; но и частныя усилія, къ тому же клонящіяся, заеживаютъ вниманія и уваженія» (стр. 16—17).

«Въ 1803 году, положено было начало новому, въ Государствѣ Россійскомъ, званію «свободныхъ хлѣбопашцевъ». По всеподданнѣйшему ходатайству графа Сергія Петровича Румянцева, ему и всему дворянскому сословію предоставлено было право «увольнять людей своихъ въ это званіе, по доброму и съ ними соглашенію и съ

утвержденіемъ за ними участка земли или и цілой дачи». Тридцать лѣтъ спустя, по 8-й ревизіи, считалось 65,190 муж. пол. душъ свободныхъ хлѣбопашцевъ, число, надо сознаться, слишкомъ малое, вовсе не соразмѣрное съ многолюдствомъ нѣкоторыхъ другихъ состояній народа. Итакъ, послѣдствія не соответствовали ни ожиданіямъ графа Румянцова, ни тѣмъ «выгодамъ, для всѣхъ частей государственнаго хозяйства и политической силы», которыя овъ, въ высокой благонамѣренности своей, учрежденію сему приписывать. Знаемъ, что въ жизни народа все совершается медленно, такъ медленно, что иногда лишь правнукамъ тѣхъ, которые начали преобразованія, суждено покояться подъ сѣнью чужихъ отъ него великихъ наслажденій права, благоустройства или просвѣщенія. Однако же, треть столѣтія не часъ, не день, и тридцать лѣтъ, въ исторіи всякаго учрежденія, должны обозначить положительными фактами всю свойственную тону учрежденію энергію.

«Къ сожалѣнію, о послѣдствіяхъ изданнаго въ 1803 году закона есть только отрывочныя, неполныя свѣдѣнія. Мы не можемъ показать здѣсь общее число всѣхъ отдѣльныхъ случаевъ увольненія, ниже разнообразныя условія, въ силу которыхъ оно послѣдовало, ни обстоятельства, которыми сопровождалось, и чѣмъ въ каждомъ мѣстѣ окончилось. Можемъ только догадываться, что, во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, до приведенія дѣла въ окончательный видъ, довольно было толковъ, недоумѣній, разногласій между сторонами и сопряженныхъ лицами. Были, конечно, и споры съ прежнимъ владѣльцемъ, еще болѣе съ его наследниками, при исполненіи условій; наконецъ, вслѣдствіе ихъ неисполненія со стороны крестьянъ, употреблена, вѣроятно, не разъ, крайняя строгость закона—обращеніе неведравныхъ въ прежнее положеніе, изъ котораго они были уволены. Все это извѣстно лишь немногимъ, въ видѣ частныхъ, переходящихъ случаевъ, обреченныхъ забвенію. Не менѣе темно, хотя крайне любопытно было бы знать, какое вліяніе имѣла на участвующія стороны эта перемѣна; какія произошли оттого, для нихъ и для ихъ согражданъ, съ теченіемъ времени, послѣдствія въ экономическомъ, нравственномъ и другихъ отношеніяхъ. Важно для всѣхъ рѣшеніе подобныхъ вопросовъ очень трудно, если сообразить недостатокъ частныхъ наблюденій, безгласность прямыхъ въ дѣлѣ участниковъ, недосугъ тѣхъ, которые могли сдѣлать про себя какія либо замѣты; наконецъ, разность взглядовъ и понятій о качествахъ, пользѣ и вредѣ общественныхъ преобразованій, о самой цѣли общезитія.

«Слабое дѣйствіе закона 1803 года объяснить нетрудно. Нельзя, конечно, приписать это неполнотѣ его или неясности. Напротивъ того, цѣль указана очень ясно; главныя нормы увольненія опредѣлены логически; все существенно-важное высказано въ законѣ. Послѣдующія узаконенія мало чѣмъ его дополнили. Но, хотя указъ былъ обнародованъ, овъ не въ равной мѣрѣ сдѣлался извѣстенъ обѣимъ сторонамъ, которыя имѣли въ виду законодатель. По всѣмъ уваженіямъ, право предложенія условій было непосредственно ближе къ одной изъ тѣхъ сторонъ, а она ни въ своемъ прошедшемъ, ни въ настоящемъ вавоноположеніи не находила особаго повода къ перемѣнѣ. Новизна же легко возбуждаетъ опасенія.

«Въ древнемъ Египтѣ были письма двоякаго рода: священныя и народныя. Если бы у насъ, въ началѣ столѣтія, при завѣтномъ, монументальномъ языкѣ закона, могло имѣть мѣсто простое слово о предметахъ общественной жизни, нѣтъ сомнѣнія, что оно, развивая съ свойственною ему плодovitостью благія начала учрежденія, доказало бы пользу его для всѣхъ и каждаго, обсудило бы средства исполненія, въ примѣненіи къ каждой мѣстности, побѣдило бы равнодушіе в нерѣшительность, отъ одного невѣдннх прюстекающія. Мы полагаемъ, что уже повсемѣстное оглашеніе состоявшихся втеченіе времени договоровъ, еслибы было своевременно, могло бы быть сильнымъ средствомъ для возбужденія другихъ къ подобнымъ дѣйствіямъ, служа имъ и напоминаемъ, и примѣромъ, и образцомъ. Такимъ образомъ, число воспользовавшихся закономъ нынѣ составляло бы уже не тысячи, а миллионы душъ.

«Одинъ очень замѣчательный случай увольненія, сдѣлавшись болѣе другихъ гласнымъ, возбуждалъ слегка любопытство многихъ, но, не бывъ достаточно обследованъ, мало принесъ доселѣ существенной пользы. Въ 1836 году, въ Можайскомъ уѣздѣ Московской губерніи, два помѣщика, братья Павелъ и Алексѣй Александровичи,

князя Ширявскіе-Шихматовы отпустилъ крестьянъ своей отчины на волю, въ видѣ свободныхъ хлѣбопашцевъ.»

Въ 1848 году, г. Порошинъ обращался къ кн. А. А. Ширявскію-Шихматову съ просьбою о сообщеніи ему копій съ увольнительной записи объясненій относительно нѣкоторыхъ подробностей этого дѣла. Теперь, по повелѣнію князя А. А. Шихматова, г. Порошинъ напечаталъ эту записку, отъ имени князя, и завѣщаніе его, съ объяснительными замѣчаніями. Изъ всего этого выдѣлалась интересная брошюра, о содержаніи которой мы отдаемъ отчетъ.

Изъ принадлежавшихъ имъ 127 ревизжскихъ душъ, князь Шихматовъ уволилъ 88 душъ, передавъ имъ и всю землю, состоявшую при двухъ деревняхъ, населенныхъ этими крестьянами. Помѣстья эти были совершенно свободны отъ долговъ, и крестьянамъ не приходилось дѣлать никакихъ взносов за увольненіе, кромѣ того, что при освобожденіи обязались они платить съ души освободителямъ по 300 руб. сер. въ годъ (по 3 руб. 40 коп. съ души до кончины этихъ бывшихъ помѣщиковъ).

Остальные 39 душъ, оставшіяся неуволенными по беспорядочности жизни или неустроенности хозяйства, были переселены изъ освобождаемыхъ помѣстьевъ въ другое село.

Великой похвалы заслуживаетъ также, что еще задолго до освобожденія крестьянъ, съ той самой поры (1817 г.), какъ братья-помѣщики поселились въ своихъ деревняхъ, заведена была ими сельская школа, для обученія мальчиковъ чтенію, закону Божию съ христіанскимъ нравоученіемъ, разныя дѣла, полезныя для общежитія, четыремъ правиламъ ариметики и кладкѣ на счетахъ и письму. Учителемъ былъ одинъ изъ помѣщиковъ, ксѣй Александровичъ. По увольненіи крестьянъ, князь А. А. Шихматовъ постоянно жившій въ селѣ, продолжалъ заниматься обученіемъ въ школѣ помощи нѣкоторыхъ изъ бывшихъ воспитанниковъ.

Само собою разумѣется, что благосостояніе и нравственность помѣщиковъ послѣ ихъ увольненія быстро и значительно улучшились. Доказательствомъ тому могутъ служить слѣдующіе факты: 1) народонаселеніе быстро возросло (1,60% по среднему выводу за 11 лѣтъ); 2) изъ новорожденныхъ въ одинъ годъ ни одного незаконнорожденнаго.

Прощанію помѣщиковъ съ отпускаемыми на волю крестьянами (говоритъ г. Порошинъ) было, по свидѣтельству очевидцевъ, умиленно: «князь Сергѣй Сергѣевичъ просилъ у крестьянъ прощенья, если въ чемъ согрѣшили; многіе плакали до слезъ» (стр. 46). Завѣщаніе князя Алексѣя Александровича въ которомъ онъ выражаетъ «друзьямъ своимъ», какъ онъ называетъ бывшихъ своихъ крестьянъ, послѣднія свои желанія и даетъ послѣдніе совѣты, написано съ такою искренною теплотою и такимъ понятнымъ для простаго человѣка языкомъ, что одно уже могло бы служить достаточнымъ свидѣтельствомъ того, что завѣщатель и хотѣлъ и умѣлъ приносить пользу своимъ «друзьямъ»-посолянамъ.

Брошюра, изданная г. Порошинымъ, должна считаться довольно замѣательнымъ явленіемъ въ нашей литературѣ. Дай Богъ, чтобы она вышла въ отголосокъ въ публикѣ.

Сочиненія Ульянова. Въ двухъ частяхъ, съ 16 картинками.
Спб. 1856.

По всему замѣтно, что г. Ульяновъ не получилъ литературнаго образованія, не имѣетъ понятій о слогѣ, не знаетъ, какъ нынѣ принято писать; онъ <сынъ природы>. Не удивительно, что онъ шипеть стихи, очень странные въ наше время,—напримѣръ:

Что такъ жалобно воркуешь,
Сизокрылый голубокъ?
Ты о ченъ, скажи, тоскуешь,
Свой повѣсивши носокъ? и т. д.

Правда, стихи эти не отличаются особенными достоинствами, имѣютъ, конечно, свои недостатки; быть можетъ, слѣдуетъ ихъ считать даже совершенно плохими. Но что жъ изъ того? Справедливо ли было бы смѣяться надъ г. Ульяновымъ, человѣкомъ безъ литературнаго образованія, когда сплошь да рядомъ пишутся почти такіе же забавныя произведенія записными нашими поэтами,—и не только пишутся, но еще нравятся инымъ также записнымъ литераторамъ? Правда, изъ записныхъ поэтовъ никто не напишетъ <Что такъ жалобно воркуешь> и т. д., напротивъ, они даже посмѣются надъ такою старомодностью; но мы увѣрены, что у иныхъ, даже очень высоко превозносимыхъ поэтовъ, если поискать хорошенько, найдутся такіе стихотворенія, какъ, напримѣръ:

Я тайну твою, другъ, подмѣтилъ случайно
И вздохъ твой летучій вполне разгадаю.
Онъ въ сердцѣ моемъ, будто эхо, печально
Откликнулся. И вотъ что я въ немъ прочталь... и т. д.

или такія, какъ, напримѣръ, <Пѣсня воинамъ, взявшимъ Карсъ>:

Здравствуйте, ребятушки,
Здравствуйте, друзья!
Съ пѣсенкой воинской
Въ станъ пришелъ къ вамъ я..., и т. д.

За что же осуждать г. Ульянова? Правда, у него нѣтъ таланта; но одинъ ли онъ виноватъ въ этомъ грѣхѣ? Развѣ есть талантъ у иныхъ стихотворцевъ, которыми многіе восхищаются? Правда, у него нѣтъ литературнаго навыка; но тѣмъ больше чести ему, что онъ безъ всякаго образованія шипеть часто совершенно такъ же, какъ пишутъ иные поэты, которые и въ университетѣхъ бывали, и въ образованномъ кругу обращаются, и о свободномъ творчествѣ умѣютъ поговорить или помолчать съ многозначительною улыбкою.

Г. Ульяновъ, кромѣ лирическихъ стихотвореній, написалъ еще поэму въ повѣсть въ прозѣ.

Видно, г. Ульянова надобно было бы причислить къ сѣробумажной тиръ? кого, послѣ вышеназложенныхъ соображеній, достанетъ духу тиръ?

Русская Грамматика В. Классовекаго. Спб. 1856.

Г. Классовскій, извѣстный въ качествѣ ученаго еочинителя нѣсколькими брошюрками о теоріи страстей, о душевныхъ болѣзняхъ и грамматическими изслѣдованіями въ филологическомъ вкусѣ, оставилъ, какъ видимъ, ученыхъ претензіи на построеніе различныхъ глубокомысленныхъ теорій,—не знаемъ, на время ли или навсегда, и издавъ обыкновенную грамматику, въ родѣ тѣхъ, какія были изданы г. Ивановымъ, Половцовымъ и многими другими. Нельзя тому не радоваться: новый трудъ г. Классовекаго, ве возбуждая изумленія, не заслуживаетъ насмѣшки. Жаль только, что въ немъ все еще слишкомъ много тонкостей и мудростей: таковы слѣды прежней привычки! Отъ души желая, чтобы г. Классовскій остался на скромной, но безопасной дорогѣ, на которую вступилъ, мы совѣтуемъ ему при дальнѣйшихъ педагогическихъ трудахъ менѣе мучить дѣтей излишними и до крайности тонкими подраздѣленіями: дѣтская грамматика чѣмъ проще, тѣмъ лучше. Недурно также было бы, еслибъ онъ отбросилъ излишне оригинальные термины въ родѣ: «видъ безкратный начинательный», «видъ безкратный окончательный», и т. д. Тогда его грамматическія руководства будутъ столь же годны для преподаванія, какъ грамматики г. Иванова или г. Половцова. Ученостью передъ дѣтми щеголять не нужно, а хитрыми тонкостями мучить ихъ не должно.

Словарь сельско-хозяйственныхъ растеній. Составленъ И. Палипсестовымъ. Одесса.

Хозяева южной Россіи, конечно, будутъ благодарны извѣстному вашему агроному г. Палипсестову за толстый томъ, который онъ составилъ для ихъ пользы, передѣлавъ и примѣнивъ къ нуждамъ Новороссійскаго края извѣстныя сочиненія «Le bon Jardinier» и «Neuestes Garten-Jahrbuch».

Плѣнь у Шамила. Правдивая повѣсть. Е. Вердеревскаго. Спб. 1856.

Разсказъ г. Вердеревскаго, печатаеишійся первоначально въ одномъ изъ петербургскихъ журналовъ, заключаетъ въ себѣ много интересныхъ свѣдѣній и написанъ гораздо лучшимъ языкомъ, нежели иной читатель можетъ предположить, взглянувъ на длинное заглавіе книги: «Плѣнь у Шамила. Правдивая повѣсть о восьми-мѣсячномъ и восьмидневномъ (въ 1854—1856 г.) пребываніи въ плѣну у Шамила семействъ: покойнаго генералъ-майора князя Орбеліани и подполковника князя Чавчавадзе, основанная на показаніяхъ лицъ, участвовавшихъ въ событіи. Въ трехъ частяхъ. Соч. Е. А. Вердеревскаго».

Труды Восточнаго Отдѣленія Императорскаго Археологическаго Общества. Часть 2-я. Спб. 1856.

Нѣкоторыя изъ статей, вошедшихъ въ составъ этого тома «Трудовъ Восточнаго Отдѣленія Археологическаго Общества», были изданы отдѣльными брошюрами, напримѣръ, біографія Френа и Дорджи Банзарова: изъ другихъ важно «Обозрѣніе шмятниковъ древности въ Малой Азіи», составленное учз-

пымъ нашимъ путешественникомъ П. А. Чяхачевымъ; много интереснаго представляютъ «Историческія извѣстія о Коканскомъ ханствѣ, отъ Мухаммеда Алм до Худаяръ-Хана», г. Вельяминова-Зернова.

Сенсаціи и замѣчанія г-жи Курдюковой за границую, дана въ Этранже. Три часни. Изданіе второе. Тамбовъ. 1856.

Что за неожиданная встрѣча! Г-жа Курдюкова намѣрена воскреснуть отъ долгаго и, какъ мы полагаемъ, непробуднаго сна и восхитять новое поколѣніе публики своими остроумными разсказами! Признаемся, никакъ не ждали мы дожить до такого чуда, какъ второе изданіе «Сенсацій г-жи Курдюковой»

Ужели она воображала, что читатели нынѣ стали добродушнѣе прежняго и захотятъ слушать утомительную болтовню, отъ которой затыкали уши прежде? Напрасная надежда!

Жаль намъ почтенную барыню, хотѣли мы замолвить о ней доброе слово, вздумали испытать, нельзя ли найти хотя какую нибудь забаву въ ея болтовнѣ, начали вслушиваться... лучше было бъ и не начинать! Ни искры остроумія или юмора, ни тѣни хитраго или наивнаго простодушія, ни капли смысла или наблюдательности! А претензій на остроуміе гибель. И все остроуміе вертится на смѣси французскихъ словъ съ русскими, и эта старая, слишкомъ старая шутка съ самодовольствомъ растягивается на цѣлыя три книги, — правда, очень тощія, но все три книги! Ужасно! читать три книги, чтобы дойти наконецъ до стиховъ:

Чтобъ зѣвующій читатель
Не сказалъ: «кандъ финира-т-эль?»
Чего Боже сохрани!
Знайте же, «ке се фини».

Нѣтъ, ужъ въ тысячу разъ остроумнѣе «Энеида, вывороченная на изнанку» Осиповымъ, да и стихи у Осипова едва ли не лучше, нежели въ «Сенсаціяхъ г-жи Курдюковой».

О выборѣ стихотворнаго размѣра. Начала логическаго образованія словъ. Москва. 1856.

Неизвѣстный авторъ употребилъ много труда на разрѣшеніе вопроса «о выборѣ стихотворнаго размѣра». Къ сожалѣнію, онъ не подумалъ, что для рѣшенія частнаго вопроса нужно имѣть основательныя знанія въ той наукѣ, которой принадлежитъ этотъ вопросъ. Авторъ вздумалъ прослѣдить отношнія мысли къ слову, чувства къ ритму и не счелъ нужнымъ пріобрѣсть основательное знакомство ни съ филологіею, ни съ ученіемъ о версификаціи; онъ пускается также въ философскія разсужденія и, какъ по всему видно, не почелъ за пужное познакомиться и съ этою наукою. Поэтому всѣ его труды остались совершенно напрасными. Онъ воображаетъ, что доказалъ, будто бы:

«Убѣждать слѣдуетъ анапестомъ (потому что въ словъ убѣждаютъ удареніе на третьемъ отъ начала слога).

«Высказывать горе влв ужасъ — хореемъ (потоку что въ словахъ горе, <ужасъ удареніе на первомъ изъ двухъ слоговъ), и т. д.

Стало быть, о Петербургѣ надобно писать анапестомъ, — въ словѣ Петербургъ удареніе на третьемъ отъ начала слогѣ, — о Лондонѣ — хореемъ, о Мексикѣ — дактилемъ;

Но о чемъ же писать ямбомъ? какъ о чемъ? а «любовь» развѣ не ямбическое слово? Итакъ

«Если чувства вліянія выражаются ямбомъ, то, вслѣдствіе родства между волною звуковъ и чувствомъ, ямбическія волны должны пробуждать въ насъ ощущенія, подобныя чувствованіямъ навіянія, или, по крайней мѣрѣ, должны располагать насъ къ такимъ чувствованіямъ; а потому объясненію въ любви, написанное стихами ямба, легче всего найдеть путь къ сердцу. (Стр. 12, второй нумераціи).

Поелѣ такого открытія, конечно, авторъ

«можетъ сказать, какъ Кузенъ: итакъ, мы рѣшили предложенную себѣ проблему: выполнить условія науки, то есть вывести науку изъ наблюденій и дать ей прочное основаніе, то есть укрѣпить ее началомъ абсолютнымъ, — Другими словами, мы совершили два дѣла: нашли а posteriori правила, которыя имѣютъ значеніе а priori». (Стр. 14, той же нумераціи).

Именно, такъ. А мы нашли правило а priori, которое подтверждается примѣрами а posteriori:

«Печатать книги о предметахъ, въ которыхъ ничего не понимаешь, значить жестоко компрометировать себя».